№ 22 СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОТПУСКНОЙ НОМЕР ЦЕНА 15 КОП.

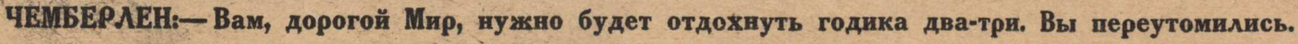
СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮНЬ МОСКВА, Редакция: Тверская, 28 ● Телефон редакции 3-43-56 ● Контора: Солянка, 12, Дворец Труда. 1927 ГОД

Рис. Б. Ефимова

ХУДОЙ МИР

ЧЕМБЕРЛЕН:— Вам, дорогой Мир, нужно будет отдохнуть годика два-три. Вы переутомились.

МЕХАНИКА ГОЛОВНОГО МОЗГА

Рис. Н. Радлова

— Смотрите, как здорово у нашей молодежи головы работают!

НА ДАЧЕ

В ПРОШЛОМ году я снял дачу в Мамонтовке. К дачам, вообще говоря, у меня с детства установилась антипатия и упорная неприязнь; подобно тому, как есть люди, которые не переносят запаха иода, или не могут глотать касторки в капсюлях, я прихожу в состояние мрачного раздражения при одном виде нагруженного дачным скарбом ломовика. В медицине это называется идиосинкразия.

Ломовик, который везет вещи на дачу, всегда имеет один и тот же, выработанный десятилетиями, стандартный и чрезвычайно дурацкий вид: несколько калеченных стульев, матрац, из которого торчит пружина и клок так-называемой морской травы; две полотняных койки, щербатый и покрытый жиром кухонный стол, дамский велосипед, гамак, клизма, качели, ночной горшок и чахлый примус, который должен, по наивным предположениям владельца, создать уют внутри дачи. Наверху, на узле с тряпьем, сидит нянька, лущит семячки и сохраняет очень торжественное и глупое выражение на лице.

И я думал всегда, со смешанным чувством злорадства и сострадания провожая взглядом этот кортеж: подождите, голубчики, будет вам ужо гамак!

В ПРОШЛОМ году, как сказано, я тоже снял дачу в Мамонтовке. Это произошло, во-первых, потому, что метереологические станции упорно предсказывали затяжной и холодный дождь на все лето и, стало-быть, приходилось ожидать засухи и такого зноя, при котором асфальт в Москве превращается в тесто и положительно нечем делается дышать в раскаленном и пыльном этом городе; во-вторых, я мягкий человек и теряюсь тем больше, чем нахальнее на меня нападают.

Хозяин же, губатый человек с симпатичной фамилией Пройда, был проницательной личностью и сразу нащупал струну в моей душе, на которой ему надо было играть.

Он совершенно терроризовал меня настойчивостью и потоком слов и убеждений и доказательств, в которых был искусен, как древний Демосфен, или адвокат Карабчевский; дачу свою он называл виллой и утверждал, что особняков, равных по роскоши этому косому и гнусному домишке под ржавой крышей и со щелями в стенах и потолке, не встречается даже в Венеции, и что единственно по причине симпатии, которую я внушил ему навсегда с первой минуты нашей счастливой встречи, он соглашается, вместо того, чтобы самому блаженствовать здесь лето, отдать его внаймы; он брался лично перевезти наши вещи из города, гарантировал ежедневную поставку свежего молока с какой-то мифической фермы, обещал устроить площадку для крокета и насадить резеды у частокола; с ближайшим поездом удрать он мне не дал, а так как следующего нужно было ждать полтора часа, а он не отставал ни на шаг и продолжал настаивать и очень громко кричать — чтобы отвязаться, я подписал условие.

Мы переехали. Конечно, вещей наших он не перевез, сославшись на то, что лошадь, которой у него вообще, как я установил позже, никогда в жизни и не было, внезапно заболела нервным расстройством; резеды он также не развел, а когда я сам попробовал разбить площадку для крокета и стал срезать дерн на полянке, он, подняв ужасный шум, заявил, что трава дает кислород, и он не позволит лишать его виллу естественных богатств природы.

Молоко носила нам баба из деревни; она бесцеремонно подливала сырую воду в кувшины в пропорции, которой не мог бы выдержать даже луженый желудок; при первой же попытке разоблачить эти химические ее комбинации, она стала кричать, что она „тот же самый пролетарий", что теперь, славу богу, не старый режим, когда каждый мог обидеть темного человека, и что она заявит о наших гнусных подозрениях в союз работников земли и леса.

Плита в кухне дымила непрерывно, наполняя чадом весь дом; хозяин утверждал, что иначе и быть не может, так как это зависит от климата, что здесь печи дымят повсюду, и иронически советовал, если нам это не нравится, вперед выезжать на лето в Голландию, где печи, действительно, любительские.

Крыша тоже обладала пренеприятными и отталкивающими свойствами: в жару она накалялась нестерпимо, и в комнате делалось душно, как в кочегарке, в дождь же пропускала сквозь старые латки целые потоки стекавшей на пол воды; особенно неприятно бывало по ночам, когда этот неожиданный и холодный душ заставал человека в кровати. Спросонку делалось страшно, и я всегда представлял себя в каюте тонущего корабля.

Было также много других, осложнивших предполагаемое блаженство мелочей; в местном кооперативе продавали сыр, от которого пахло почему-то ваксой, мальчишки пачкали и крали одежу на речке, под самыми окнами грохотали двадцать пар поездов в сутки, лес был загажен на три версты вокруг остатками от пикников, из кухонь таскали примусы, и архитектор, который жил на соседней даче, каждый день к вечеру очень громко ссорился с женой, которая кричала в этих случаях, что он, как паук, высосал из нее все соки и погубил ее жизненную весну.

Но со всем этим, скрепя сердце, еще можно было бы помириться, хотя казалось совершенно непонятным, за что, собственно, страдаешь; но самое тяжелое воспоминание оставили во мне комары и гости, которые с'езжались по воскресеньям.

Проклятые насекомые не оставляли человека ни днем, ни ночью, в конец отравляя и так уже беспросветную жизнь; жалили они и в саду, и на реке, и в даче, впивались в шею, едва сядешь за стол, и жужжали назойливо, отвратительно и угрожающе над самым ухом, когда ляжешь, с головой завернувшись в простыню, в кровать.

Ни эфирное масло, ни керосин, которыми я мазал руки и голову, делу не помогали; я ходил искусанный, и кожа моя, сплошь покрытая красными точками и бугорками, походила на кожу крокодила, из которой шьют саквояжи „Универсаль"

Гости приезжали, как сказано, по воскресеньям, и едва сойдя с поезда, начинали восторгаться воздухом и пейзажем.

Они находили, что здесь очень тихо и каждый раз завидовали счастливцам, которые выбрались своевременно из „этой невозможной Москвы". Мне казалось, что они издеваются над нами и в душе считают меня дураком. Они приезжали с первыми поездами на целый день; всех их нужно было кормить, поить, водить их купаться на реку и показывать красивые места в лесу и находить поляны, где растут ягоды; они не пропускали ни одного воскресенья и приезжали даже тогда, когда с утра шел беспросветный затяжной дождь; в таких случаях они говорили, что сидеть здесь и пить чай на балконе все-таки приятнее, чем слушать в городской квартире, как кричат старьевщики, во дворе.

Дружеское чувство, которое у меня к этим людям было, перешло постепенно в острую неприязнь; по субботам я мечтал, что хорошо бы было, ежели бы завтра пошел град с куриное яйцо, или случилось крушение с товарным поездом, которое на сутки закрыло бы движение на дороге. Но ни града, ни крушения не случалось, и они приезжали снова и снова говорили о воздухе и пейзаже.

Как о недосягаемом блаженстве, я мечтал о тесной привычной комнатушке в городе, о своем рабочем столе, об электрической лампе и сухой кровати и даже о татарине, который будет кричать внизу, во дворе.

▼

Когда эти мысли окончательно одолели меня, я сбежал. Больше никакими коврижками меня на дачу не заманишь.

А. ЗОРИЧ

СРОЧНЫЙ ВОЗВРАТ

Рис. Б. Антоновского

Многие увлекаются поездками на дальние курорты и убивают почти весь отпуск на одну дорогу.

— Поезд на Москву! Второй звонок!

ОТПУСКНИК:—Подождите минуточку! Дайте хоть в нарзане искупаться, а то я так и не почувствую, что был на Кавказе.

ШИРОКАЯ НАТУРА

Рис. И. Малютина

— Ваш директор широко пользуется отпуском. Сначала морем из Одессы в Крым, потом морем на Кавказ, а теперь едет по Волге.

— Большому кораблю, батенька, большое и плаванье.

КУРОРТНЫЕ АССОЦИАЦИИ

Записки отдыхающего счетовода

1. Вчера долго глядел я на море. Какая ширь, какая глубь! Жалко, что я не поэт и не могу подыскать сравнения. Приходит в голову только ведомственная переписка.

2. Все небо обложено тучами. Тучи—это что-то в роде фининспектора...

3. Сегодня видел свою жену, входящую в воду. Опять—входящая! И тут не дает жить канцелярия!

4. Хорошо иметь полный купальный костюм: фуфайку, трусики и бинокль.

5. Один знакомый турист, не запыхавшись и без одышки, бегает на Ай-Петри и обратно. Подумаешь — рекордсмен. Попробовал бы пройти у нас в учреждении от курьера до заведывающего...

6. Этот человек отчаянный. Бродит только по горным высотам и смертельно боится всякого снижения... Должно быть, кооператор.

7. Хорошо живется нэпманам. Вон идет жена одного в накидке... А нам за эти накидки... да что и говорить!

8. Хорошо снимать, когда камера — моментальная, секундная. А то — снимаешь с прибылей, а камера — шестимесячная...

9. Какое богатство языка! Моя жена подружилась с женщиной на пляже и говорит, что это ее сопляжница...

10. Опять смотрел на море. Мертвый штиль... Кругом ни души. Думал об общих собраниях...

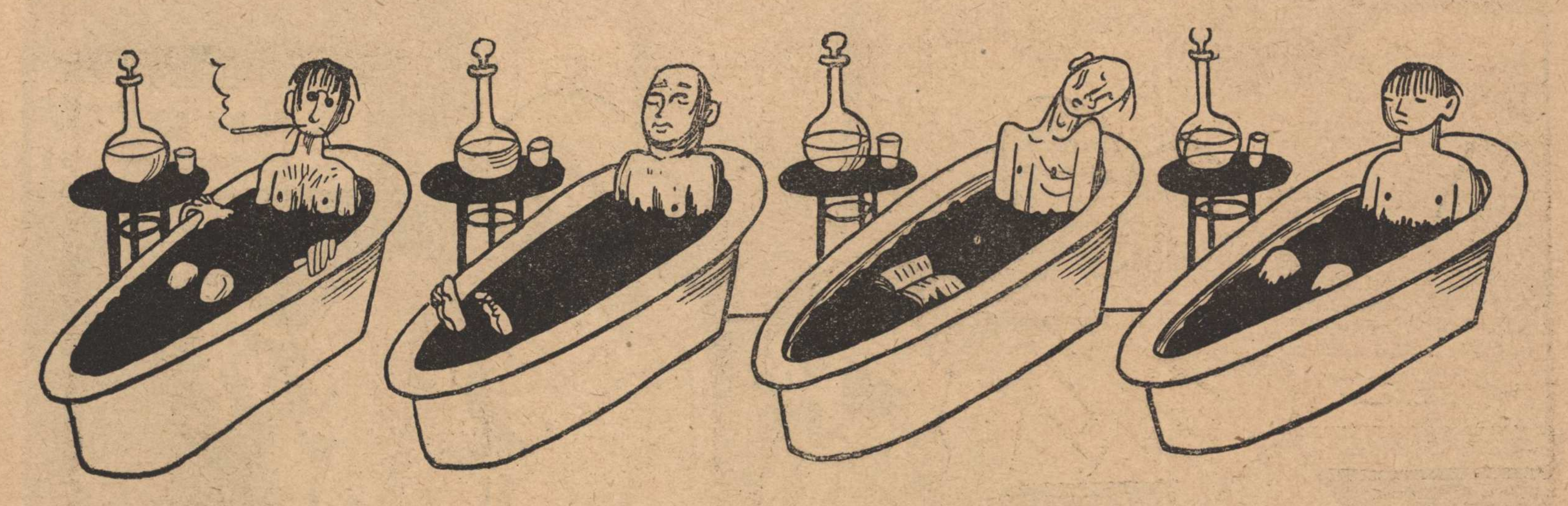
11. Боксер Сидоров идет три месяца без поражения. Куда ему... мальчишка. Наш кассир—это другое дело. Получил три года и тоже без поражения... в правах.

12. Если мяч попадает в сетку - это считается очко... Счастливец мяч — в целую сетку, а тут хоть бы в один разряд.

М. КОССОВСКИЙ

Назвася отпускником-полезай в трусики!?

Рис. Б. Малаховского

ДУША В ОТПУСКУ

I.

В кафе—земляничные торты.
По скверам—детишек возня.
И вот отпуска и курорты
Являются темою дня.
Ах, нет положительно мочи
От сладких избавиться дум:
Все дни мне мерещится Сочи!
Все ночи
Мне снится Сухум!
Манят пеленой голубою
Хребтов острозубых верхи—
И пишутся сами собою
Фривольным размером стихи.

2.

Дорога: 4 червонца.
Харчи: 18 рублей.
О, ласковость южного солнца!
О, южного моря елей!..
Довольный водою и сушей,
На шейку платок повязав,
Вон—видите—розовой тушей
На пляже валяется зав.
Под звуки прибойного лада
В кабинку из свежих досок
К нему я вхожу без доклада
И рядом сажусь на песок.
Он шепчет сквозь легкую сонность,
А рожа блестит кирпичом:
—„Голубчик! Отбросьте фасонность!
Зовите Иван Ильичом!"
Царапают кожу песчинки,
Но я не ропщу на судьбу.
Я с легким ехидством морщинки
Считаю на завовом лбу.
Смеюсь, позабыв политичность,
Седому в усах волоску...
Какая милейшая личность
Такой бюрократ в отпуску!
В домах розовеют оконца.
На небе дымки кораблей.
О, ласковость южного солнца!
О, южного неба елей!

3.

Я знаю: промчатся недели
Закатным лучом по траве...
И вот я в торговом отделе.
И вот я в бурливой Москве.
И вот я—по летнему праву
Чуть-чуть запыхавшись, лечу
К нему, к развеселому заву,
К миляге Иван Ильичу:
—„Мол, пользуясь этим моментом,
Дай, дескать, с Иван Ильичом"...
Он мрачно сидит монументом.
Он смотрит зловещим сычом.
Не бас, а сплошная рулада...
И весь в одиозных „табу":
—„Вы как же... того... без доклада?"
Бубнит, оттопырив губу.

4.

Я знаю: промчатся недели
Закатным лучом по траве...
Но мы ведь сейчас не в отделе.
Но мы ведь сейчас не в Москве,
Мы—братья. Мы два пошехонца.
И каждый другого милей...
О, ласковость южного солнца!
О, южного солнца елей!

А. Д'АКТИЛЬ

ДАМА ИЗ БИАРРИЦА

Знойный полдень. Золотой россыпью слепит глаза морской пляж. Вдоль берега, образующего в этом месте тихий сонный залив, расположились «курортники».

В глазах пестрит от множества разнообразных купальных костюмов, ярких зонтиков, палаток. Издали кажется, что на берег брошено покрывало из цветных лоскутков—рукоделие домовитых провинциальных хозяек.

Женщин, пришедших сюда с заранее обдуманным намерением пленять, можно узнать по купальному костюму, в котором разрезов больше, чем сшитых частей, и по живописных позам, имеющим целью показать товар лицом. Впрочем, именно лицо в искусственной маске набеленных щек, нарумяненных губ и зачерченных бровей,—скрыто гораздо больше всего прочего.

Жарко..

Иван Петрович в вязаной сетчатой рубашке и парусиновых панталонах с босыми ногами лежит на животе, подпирая руками бритую голову и глядя в раскрытую газету. Временами он закрывает глаза и силится вспомнить, о чем он читал...

Медленно ворочаются мозги Ивана Петровича, а временами как-будто и совсем перестают работать.

Вдруг Иван Петрович вздрогнул. Что-то холодное посыпалось на его шею. Открыв глаза, он увидел, что рядом с ним женская фигура в черном купальном костюме и ярко-красном чепце яростно раскапывает глубоко засевший в песке камень, разбрасывая влажный песок во все стороны.

— Гм!.. ээ...—недовольно потянул он.

— Ах, простите, пожалуйста. Кажется, я осыпала вас песком?

— Нет, ничего... Это должно быть с той кручи песок сыплется.

— Разве? А отчего бы это?

— Должно, от старости. Бывает. Хе-хе!..

Иван Петрович заметно смягчил тон. Так и есть,—соседка с красной дачи.

— Интересно было бы узнать, который час? Тут никогда не узнаешь.

Иван Петрович скосил глаза на свою кожаную браслетку.

— Ровно двенадцать минут второго.

— Надо уходить.

— Но ведь вы еще не купались?

— И не буду. Разве это вода для купанья? Во-первых, слишком теплая, а во-вторых—никаких волн. То ли дело в Биаррице!..

Собственно, выпалила она это название только потому, что несколько лет тому назад видела кино-картину «Прибой волн близ Биаррица» и еще тогда под эту картину играли очень хорошенький вальс, но на Ивана Петровича Биарриц произвел должное действие.

— Давненько изволили там быть?

— В прошлом году. С нашим торгпредством. Я там служу.

— Так, так... Значит, отсюда прямо и катнете?

— Нет. Я раньше в Ленинград. Сейчас мой муж там. У него дела... А вы сами не из Ленинграда будете?

— Нет. Из Харькова,—соврал Иван Петрович и неловко закашлялся.

— Вы там служите?

— Да. Профессором в университете.

— В самом деле? И какой вы курс читаете?

— Разный. Но я, собственно, не читаю. Я так просто рассказываю студентам... То-есть, я иногда раньше это дома прочитываю, а потом говорю.

— Да, да, конечно. Но что же именно?

— Разные высшие науки... А вам красное очень к лицу. Честное слово!

Вот здесь руль правильно повернут. Иван Петрович почувствовал, что вышел на торную дорогу и, ориентировавшись, взял направление к старту...

Две недели спустя соседка уехала в Ленинград к мужу, обещав написать Ивану Петровичу до востребования в Харьков. А еще через два дня Иван Петрович вернулся к себе в Москву и приступил к обязанностям заведующего канцелярией в правлении маслобойного треста.

Однако, проходя мимо открытой двери машинного бюро, Иван Петрович остановился. Его внимание привлекла загорелая полная шея машинистки, сидевшей спиной к нему в черном платье с красным гребнем в высокой прическе. Иван Петрович заглянул сбоку... Да, он не ошибся. Курортная соседка, углубившись в работу, выстукивала на пишущей машинке...

Как странно! Сейчас встреча с этой женщиной не только не обрадовала его, но почему-то представилась, как первое звено длинной цепи неприятностей; косые взгляды начальства, насмешки товарищей, семейные скандалы. Что-то беспокойно затрепетало в груди. Крупные капли дождя застучали на подоконнике.

Иван Петрович вызвал к себе заведующую машинным бюро.

— Кто эта новая машинистка в черном, сидит спиной к дверям?

— Красницкая, Ольга Ивановна. Переведена в правление после ликвидации склада № 2.

— Хорошо...

В тот же день Иван Петрович написал обстоятельный доклад заведующему административным отделом о необходимости сокращения машинистки Красницкой, что вполне естественно и законно после ликвидации склада. Очень удачно была сделана ссылка на режим экономии. Явившейся к нему для личного об'яснения машинистке Иван Петрович сказал:

— Вы сокращаетесь... По нашим сведениям у вас есть муж в Ленинграде, который хорошо зарабатывает, да и по работе... не совсем...

— Я могла бы представить хорошие отзывы о себе.

— От кого?

— От одного харьковского профессора разных высших наук.

Неподвижное каменное лицо Ивана Петровича ничем не реагировало на лучистый взгляд машинистки. Так мертвые скалы на далеком берегу южного моря отражают яркие потоки солнечных лучей.

Машинистку не сократили.

*„БРАТЬЯ ГУБИНЫ—
ИВАН И МИТРОДОР"*

Рис. А. Радакова

НА ВСЕМ ГОТОВОМ

САНАТОРНЫЙ РЕЖИМ... ЭКОНОМИИ.

КОНЕЦ ПУХТРЕСТА

Солнышко в Пухтресте светит в каждом месте...
Служащие сразу отдались экстазу—
И собрались... в путь.
Зав купил рубашки „имени Семашки“,
Сдал дела замзаву, ну и в Балаклаву
Едет отдохнуть.
Зам весьма доволен. Заявил:—Я болен!..
Застонал для виду, все дела сдал вриду—
Едет на Кавказ.
Врид же вызвал пома:—У меня саркома!
Я страдал подолгу, и лечу на Волгу—
Вылечусь там враз!
Пому не до танца. Вызвал он начканца:
— Грудь болит, нет мочи! Спешно еду в Сочи,
Вам сдаю дела.
А начканц, ребята, на секретаря-то
Бросил всю работу: в Пятигорск в субботу
Мчится, как стрела.
Секретарь главбуху крикнул, что есть духу:
— Всю работу—к бесу! Еду я в Одессу:
Срочный геморрой!!!
Бух—на счетовода:—Бок болит с полгода!
И, схвативши шляпу, полетел в Анапу
Раннею порой.
Счетовод, как старший, молвил секретарше:
— Еду спозаранку в Крым лечить водянку.
Вам вручаю трест!
Секретарша тоже:—Я в ужасной роже!
Регистратор милый, напрягите силы:
Завтра—мой от‘езд!
Регистратор вскоре „рак“ лечил в Месхоре,
Сдав дела заране машинистке Тане,
Таня—к Вере вмиг.
Чрез недельку Вера вызвала курьера:
— Трест принять пожалте! Мне же надо в Ялте
Вылечить мой тик.

. . . .

В месяц бум случился:
Трест пустой... закрылся.

Д. ДОЛЕВ

СИЛАНТИЙ ПРЫЩ НА КУРОРТЕ

ОТКУДА ни возьмись—весна! Хорошо! Пыль, лужи, поэзия всякая, опять же за патент и подоходный уплатил—легко стало на душе, как после причастья.

Ну, говорю я себе, Силантий Пирамидонтыч, гражданин Прыщ, нечего все для себя жить, надо что-нибудь и для государства сделать. А государству нужны здоровые люди. Еще Карла Маркс, умирая, завещал, чтоб в здоровом теле обязательно был здоровый дух.

А где мне набраться этого здорового духа, когда цельный день валандаешься с дегтем, селедками, женой, керосином и детишками?

Дай, думаю, поеду на курорт. По примеру прочих.

Оставил я жену в лавке, наказал ей, чтобы непременно набавила через недельку на керосин: в кооперативе керосин на исходе, а председатель уходит в отпуск. И поехал в Крым.

Приезжаю в Евпаторию. На вокзале—честь честью. Встречают меня с почетом. Окружили со всех сторон и так любезно и снисходительно: „Не желаете ли, гражданин, комнату"? А другой так мило добавляет: „А, может, вам две нужны"?

Симпатяги, а не люди. У нас таких я не замечал. У нас придешь в жилотдел, так только и разговору о норме да уплотнении. А тут, пожалуйста, живите себе без нормы, отдыхайте без уплотнения.

Понравились они мне, а все-таки спрашиваю: „А как, любезные товарищи, ежели я не член союза, а совсем наоборот, в тех смыслах, что теперь месяца на полтора безработный?" Усмехнулись по-дружески и говорят: „Ничего". Так и сказали: „Ничего". А один даже присовокупил: „Нам 10 процентов комиссионных".

Поселился я на дачке. Первым делом утром встал, а потом пошел осматривать море. Возле моря песку понасыпали—уйма, тут тебе ни пудами, ни метрической системой не перевесить. Все это, полагать надо, осталось от старого режима. Большевикам в жисть столько песку не насыпать. Эх, думаю, кабы этот песок да был бы настоящий, сахарный, да взять этот пляж в аренду, вот бы дельце можно было раздуть!

Посмотрел я на море, так даже обидно стало. Конца не видать. А кому, спрашиваю я, нужно столько воды? Корабли они и по речке пройдутся. А дармовую площадь нечего водой занимать. Куда ни поглядишь—непорядки. Настоящей власти нет, баловства много.

А все-таки, думаю, деньги плачены, надо попользоваться. Нагнулся это я да как хлебнул из моря воды... Батюшки—светы! Искры из глаз пошли. Все нутро перевернуло. Показался мне восемнадцатый год: реквизиции, конфискации, национализации, муниципализации и трудовая повинность. Еле очухался... Вот безобразие! А еще морем называется. Видать, воды тут много потому, что никто ее не пьет. Всюду непорядки! Столько порченой воды, а хоть бы кто обратил внимание.

ПРОЗРЕЛ!

Рис. Б. Ефимова

— Как?! Вы служите в моем учреждении и получаете только по восьмому разряду?.. Где-же были мои глаза?!!

На завтра пошел на пляж—на песочке поваляться, по примеру прочих. Говорят, пользительно. Прихожу, беру билет, словно в театр. Союзным—пятачок, нашему брату гривенник. Разделся я за гривенник без всякого стеснения и лежу. Хорошо, хоть и деньги стоит. А солнышко знает свою работу: печет не хуже, чем при старом режиме, даже выше довоенной нормы. Приятно.

Вижу: некоторые полежат, полежат, да поскорее уходят. Ну, думаю, всяк живет своим умом. Деньги я не даром платил. Уже полежу в свое удовольствие. Лежал я так, чтоб не соврать, часа три с гаком.

Пришел домой, чешется что-то по всему телу, будто бы наждачной бумагой кто-либо трет. Потом начался озноб, бросало меня во все стороны. Позвал я доктора, и он за пять рублей сказал мне, что-будто я перележал на солнце, что надо осторожнее действовать, что теперь у меня шкура будет меняться.

Целую неделю менялась шкура. Новая появилась. Но плохонькая. Низкого качества продукция. Притронуться к ней нельзя. Старая моя шкура, как подошва, была крепкая, довоенная. Теперь таких мало осталось.

Плюнул со злости на море и на солнце. Поворотил оглобли и—айда домой. Не хочу, чтобы за мои деньги да надо мной же насмехались.

Приезжаю домой, жена ахнула, обомлела.

— Ничего,—говорю я ей, это я в новой шкуре.

А приказчик Митька стоит у дверей да хихикает.

— Хоть вы, говорит, в новой шкуре, да тот же самый.

— Пошел вон,—говорю я ему,—мальчишка! Не мешайся в хозяйские дела!

Вот какая штука. Нынче нашему брату нигде нет ходу: шкуру сдерут!

Г. РЫКЛИН

КУРПОЧ'ЯЩИК

ЭТО не значит—„ящик с куриными почками". Это—„курортный почтовый ящик". Да собственно и ящика-то никакого нет, а просто пачка писем, отправляемых с курортов домой и похищенных мною для развлечения наших читателей.

1.

Письмо „ответраб'а". Величина письма—„в союзном масштабе" и в № „Смехача" не уместится; поэтому помещаем из него только отрывок. Почерк—нервно-усталый.

...„Отдыхаю во всю! Время использовываю продуктивно. Ежедневно и ежевечерне читаю доклады и лекции для отдыхающих. Хотел также читать и еженощно, да к сожалению в этом доме отдыха ночью все спят. Значимость моих рефератов для здоровья, очевидно, огромна, так как многие отдыхающие стали просить выписать их досрочно. Ясно: нервы их укрепились. Некоторые даже, должно быть от жизнерадостной возбудимости, поругали меня. Сегодня вешался: уменьшился на 9 фун..." И т. д.

2.

Письмо в деревню. Пахнет махрой и карболкой.

...„Сообчяю вам, что с моей отправкой на лечения произошла кака-то хиромантия.

Привезли меня на Капказ, штоп печенку мою и тишти водами отпаивать, да не пришлось. Посмотрели дукумент, у тебя говорят беркулез во второй студии, тебя надо в Крым, а тебя по ошипке запуздрячили на Кислы воды. Убнаружили, что печенка-то у меня двиствительно моя, а путевка-то не моя, Сидорова, а какого-то Карпова. Теперь разбирают эту дескусию, а я сижу у моря и жду непогоды, а потом, должно, опять повезут домой в деревню, потому как строк должон кончиться. А еще кланяюсь куму нашему"... и т. д.

3.

Лиловый конверт. Пахнет „Коти" и кошкой.

...„Кошмар! Кошмар!.. Невозможно стало на наших курортах!.. Представь себе, Лили, купаюсь я, на пляже лежит мое дорогое белье и дивные заграничные шелковые чулки, и вдруг какая-то рязанская баба рядом!.. Свинство!.. Время провожу недурно, познакомилась с одним приезжим персидским купцом. Кстати, узнай, не развелся-ли со мной в мое отсутствие мой муж? Не тот, который живет на Арбате, а тот, который на Маросейке...

Ну, пока!

Зизи".

4.

А это и распечатывать нечего: открытка с видом на горы, а на ней—четверостишие:

„Сидит буржуй, развалившись моржом.
Пьет полчаса бутылку Боржом.
А я не желаю уступать буржую:
Третью бутылку под ряд дую!

Вася Лоботрясов".

5.

Два письма, написанные одним и тем же почерком.

I. Открытка с дороги: „Еду очень весело. В Харькове подсел очень интересный спутник. Ухаживает и делает всякие услуги. Лида".

II. Заказное из Алупки: „Кто то похитил багаж. Спутник также исчез. Вышлите белья и прочего. Л."

Открытка с Минеральных Вод:

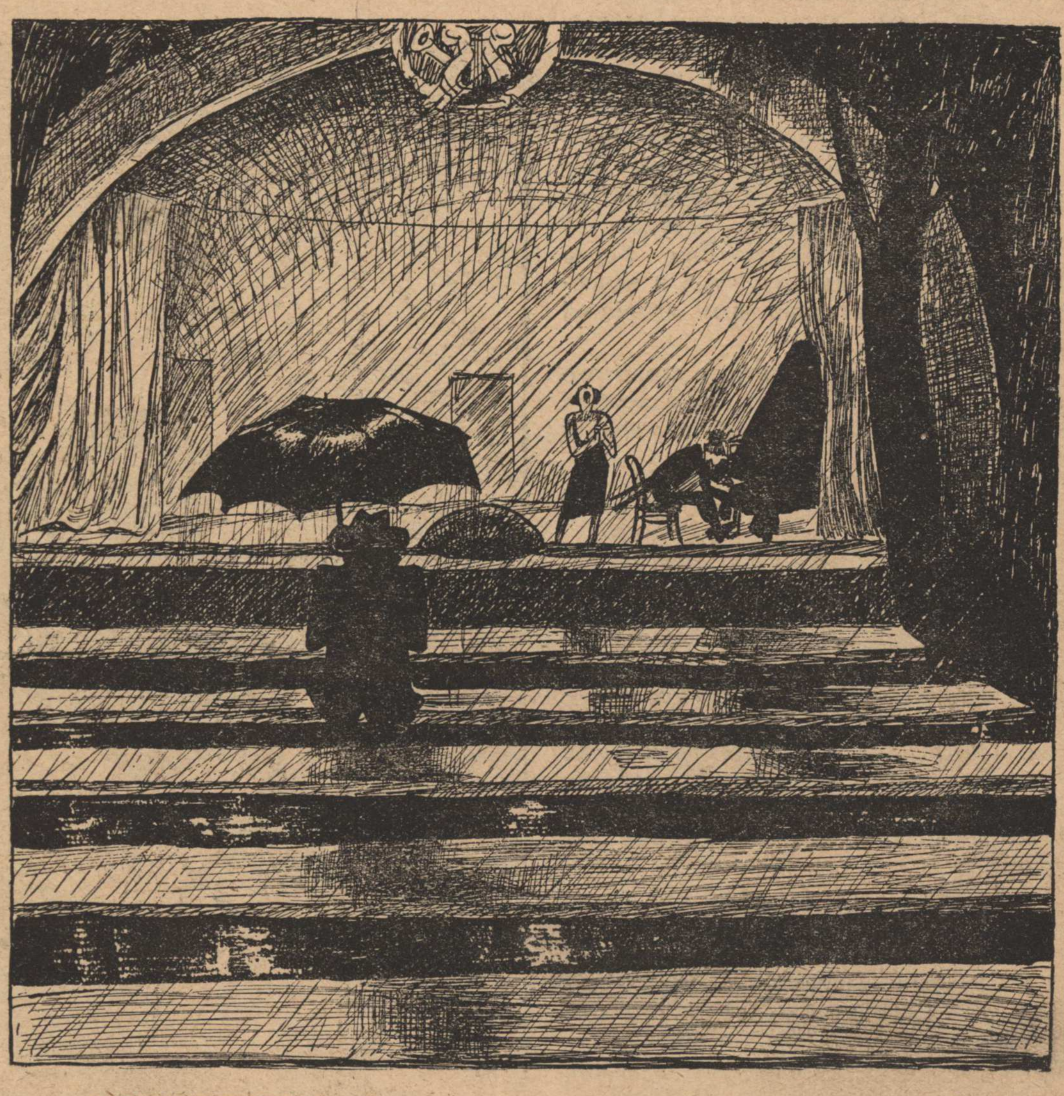
„Евгений, не езжай сюда! Водку запретили! Хряй в Ялту.

Митя".

АРГУС

НЕ ОСЕННИЙ МЕЛКИЙ ДОЖДИЧЕК...

Рис. Б. Антоновского

АДМИНИСТРАТОР:—Э-страдная пора началась, но где урожай?..

КАК ВАМ НРАВИТСЯ МОРЕ

(Опыт интервью на пляже)

Зав:—В сущности, что такое прилив и отлив? Это последовательное и равномерное сокращение и разбухание штатов госучреждения.

Бухгалтер:—Огромная масса неучтенной воды!

Делопроизводитель:—Оно всегда на месте, и искать не надо!

Машинистка:—Живописная лента горизонта и, главное, рук не пачкает.

Уборщица:—Само за собой ходит: навалит кучу мусору, а потом само и слизнет. Хозяйственная штука!

М.

ЛЕТНЕЕ ЗАТИШЬЕ

— Почему в Москве за последнее время нет диспутов, докладов, лекций?

— Видите ли, вступительное слово в отпуску.

ЗАПУТАЛСЯ

— Как странно! Получил отпуск и не знаю, что делать! То ли дело на службе. Там я знал, что делать нечего.

НА 101 ДОКЛАДЕ

— Что ж это и докладчик сам задремал?

— Да не хочет итти против большинства, которое спит...

ХЛАДО-РАБОТНИКИ

— Вот пишут, что холодильники строются. А зачем? Мы ведь и так с прохладцей работаем.

Рис. Б. Малаховского

„ЗНАТОКИ“

(Пляжный случай)

ТРИДЦАТЬ с гаком на солнце. Ленивое море застывшею глыбой голубого стекла поднялось к горизонту и ласково лижет шуршащую гальку.

А на гальке, под распяленной на трех палочках простыней, гудят голоса и виднеются две пары пяток. Обладатели пяток и голосов лежат спрятав головы в резкую и короткую тень, голые красные и о чем-то неразборчиво спорят, перебивая друг друга.

— Виноват! — гудит, упирая на „о“, бородатый и дюжий, в сиреневых трусиках,— простите-с! Это даже в евангелии... И тогда оборону страны признавали-с... Ясно сказано у Луки, глава 21, стих 10:

„Егда крепкий вооружився хранит двор свой — в мире суть и именье его-с“!

— Бу-бу-бу-у!.. — глухо бормочет второй собеседник, худощавый блондин в пенснэ на унылом носу,—извините, но вы... бу-бу-бу-у... Энгельс прямо сказал: „Революция это акт, где одна часть населения навязывает свою волю другой посредством пушек...“ Еще в 71 году-с... бу-бу-бу-у... А потом... бу-бу-бу-у... „Капитал“ § 13... об основных противоречиях капиталистического... бу-бу-бу-у...

— Ду-ду-ду-у... — дудит бородач о своем,— а двурушники меньшевистского толка и в те времена... ду-ду-ду-у... Кажется, у Матфея... глава 10, стих 9... указано — „Не стяжайте ни злата при поясех ваших“... А сам Иоанн, в главе 15, стих 2, сознается, что апостолы „ковчежец имащи с собою“ для накопления фонда с... ду-ду-ду...

— Бу-бу-бу... а что Бебель сказал,— смотри „Женщина и социализм“, глава — „Государство будущего“... бу-бу? Тоже Каутский, том 2, глава...

— Алименты еще в Иерусалиме знали, ду-ду-ду,— твердит свое бородач,— ясно сказано — „пять мужей бо имела еси“ — Иоанн, глава 4... И охранка была; от Луки глава 5,— „и пред владыки приведениво ради свидетельства им промене...“

— Бу-бу-бу... Манифест... Жорес... том... глава... сказано...

— Ду-ду-ду! Ерунда-с... К коринфянам послание... Апокалипсис... раздел 2-ой...

СОЛНЦЕ стало сов.ем неприличным. Под простыней нельзя больше дышать. Ни тем более — спорить. И охрипшие спорщики, разминаясь, вылезают на воздух и с испугом смотрят на солнце.

— Эка жарит-то... — крякает бородач... — точь в точь „и бе Даниил в пещи огненной“... Но, однако, пора и к обеду. Очень рад был побалакать с хорошим марксистом... на приморском просторе...

— Ну, какой я марксист! — скромно говорит худощавый,— а вот вы в своем деле, я вижу, действительно, спец... Ну, пока! Будем знакомы...

И, простившись, расходятся.

А море им вслед —

— ду-ду-ду-у... бу-бу-бу-уу...

ЛЕОНИД САЯНСКИЙ

P. S. Я забыл сообщить самое главное.

Бородач „от Евангелия“ был не поп, а партиец. А апостолов знал на зубок потому, что работал в „Безбожнике“.

А худощавый марксист был попом живой церкви, пристав к оной ввиду безработицы среди бывших присяжных поверенных.

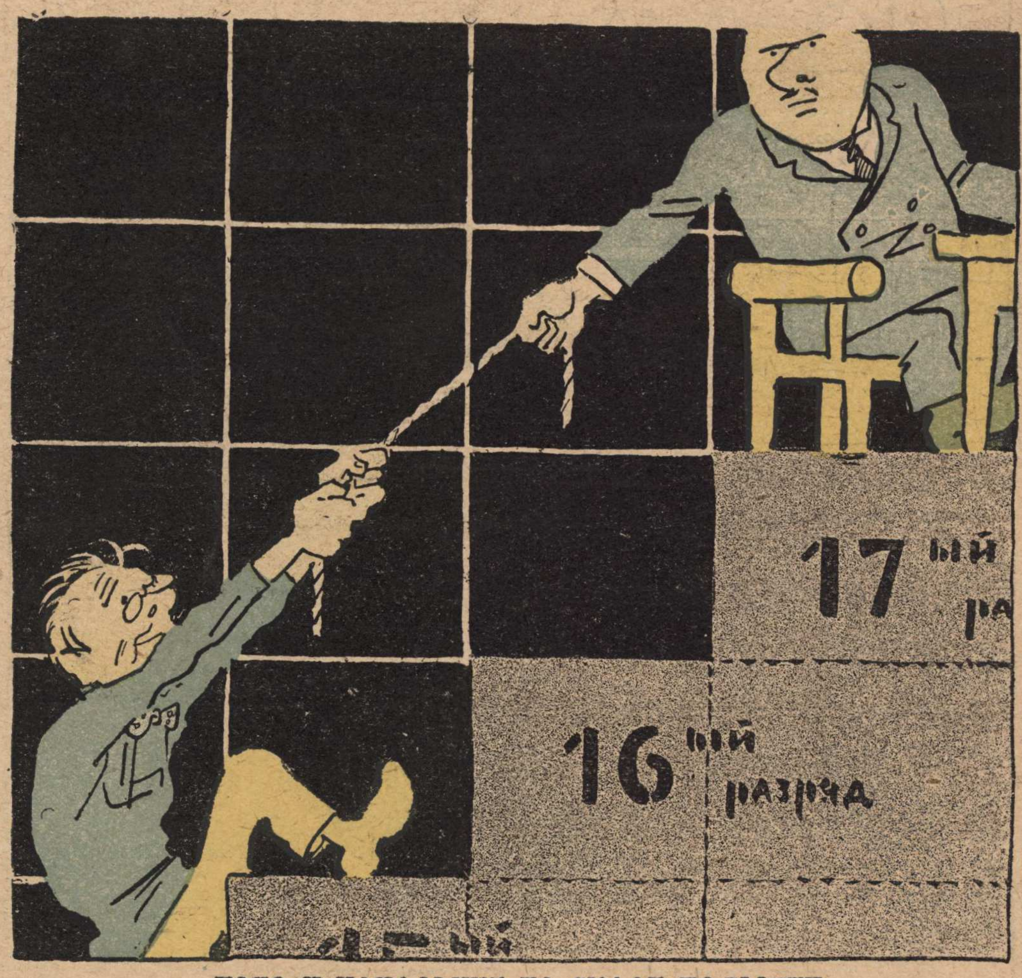
Л. С.

В ОТПУСКУ И ПОСЛЕ

Рис. Н. Радлова

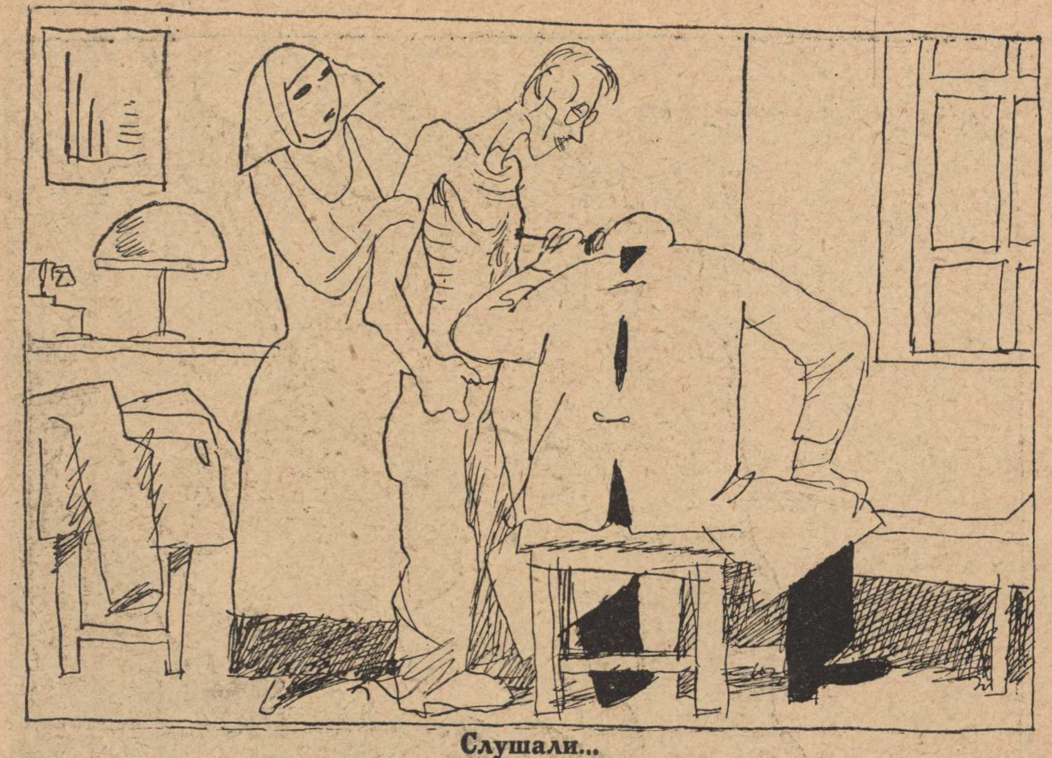
КТО ПОМОГАЕТ НАЧАЛЬНИКУ ВЗБИРАТЬСЯ НА СКАЛУ,

ТОГО И НАЧАЛЬНИК ПО СКАЛЕ ПОДЫМЕТ.

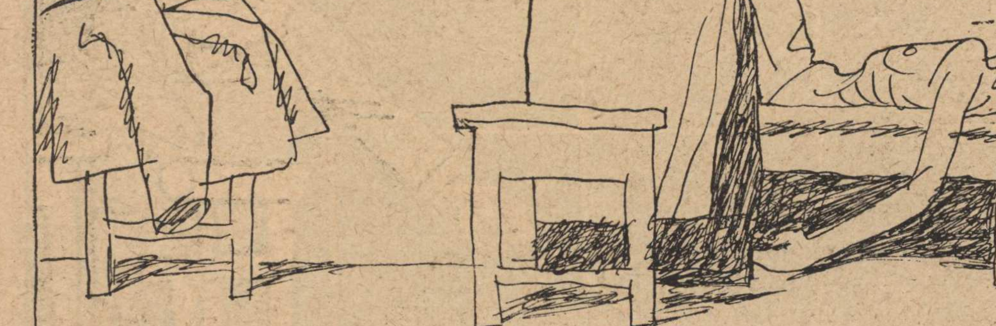
В ОБЩЕМ И ЦЕЛОМ

Рис. М. Черемных

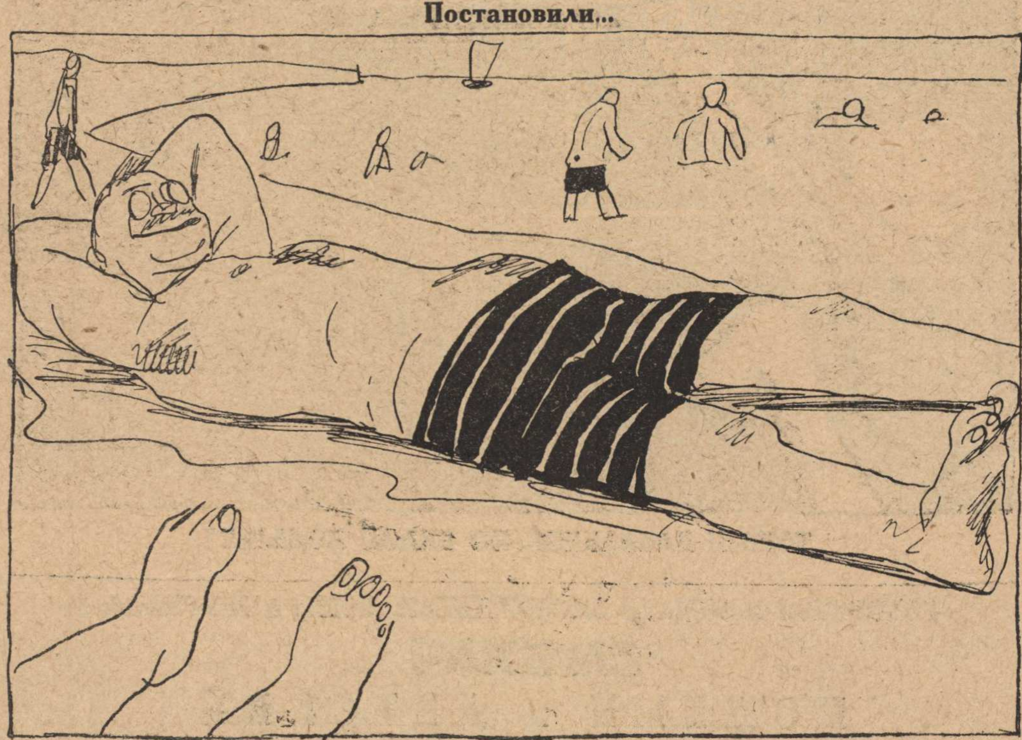

Слушали...

Постановили...

...и провели в жизнь

ПУТЕШЕСТВЕННИК

НИКОГДА еще я не видел Колидорова таким оживленным, как в этот памятный морозный февральский день, когда Колидоров, прямо со службы, красный и оживленный, ворвался в мою комнату, содрал с себя полосатую беличью шубу (мехом наружу) и, стряхивая с ушастой шапки снег, закричал:

— Ты, жалкий капустный червь, гордящийся оседлым образом жизни и украшающий обеденный стол скатертью, ты, отправляющийся на службу в трамвае и в трамвае же возвращающийся со службы домой, ты, имеющий жену и тещу и полагающий свое благополучие в пошлом созерцании недоброкачественных кинематографических картин — смотри... Вот...

Колидоров вынул из бокового кармана потрепанную географическую карту, разложил ее на столе и радостно захохотал.

— Видишь?

— Вижу,— осторожно сказал я,— это карта СССР, издана Госиздатом в 1925 г.

— А еще что-нибудь видишь?

— Гм.. Масштаб тут какой-то... Разрешено главлитом за № 22756... тираж...

— Эх ты! Шляпа!

Колидоров схватил меня за шею и, больно прищемив воротником кожу, ткнул носом в карту

— Смотри, дубина, где будет твой друг Колидоров через какие-нибудь четыре месяца. Ну?.. Теперь видишь?

— Вижу.

— Что же ты еще видишь?

— Вижу,—прохрипел я, добросовестно проглядев карту,—что какой-то идиот измазал поверхность этой бумаги красным карандашом.

— Это не какой-то идиот,— самодовольно сказал Колидоров,— это я, Колидоров, начертил путь того путешествия, которое я совершу ровно через четыре месяца, 1-го июня. Теперь чувствуешь?

— Чувствую,— покорно ответил я, потирая шею.

— То-то. У нас, брат, сегодня распределяли время отпусков. Мне вышло ехать 1-го июня. Так вот, на этой карте я начертил наглядный план моего путешествия.

Я посмотрел сперва на карту, а потом на Колидорова. Его лицо сияло, как переполненная до краев кружка с пивом.

— Колидоров,— воскликнул я,— неужели ты твердо решился на этот шаг?

— Не веришь? — презрительно процедил Колидоров,— так вот. Полюбуйся.

Колидоров схватился за карманы и после пятиминутной борьбы со старыми засалившимися бумажками, кусочком гребешка, шариками шерсти, пуговицей от жилетки и „Вечерней Газетой“ за 1924 год, вытащил из темных загадочных недр своего пиджака смятый кусок бумаги.

— Вот. Смотри.

Я развернул бумажку. На одной стороне ее было написано: „Чемодан — 15 руб. Автомобильные очки — 3 руб. Оленья доха — 60 руб. Бинокль — 10 руб. „Весь СССР“ — 5 руб. 2 пары носков в клетку — 2 руб. и ковбойская шляпа с ремешком и дырочками — 9 руб. 50 коп.“ На другой стороне бумажки запись носила несколько иной характер. Сверху, большими буквами: „Маршрут“. Затем подзаголовок: „Путешествие по окраинам союза“. И наконец: „Москва — Мурманск — Владивосток — Бухара — Красноводск — Баку — Батум — Севастополь — Каменец-Подольск — Минск — Ленинград — Мурманск — Москва“.

— Гм... Н-да,— промямлил я,— а не кажется ли тебе, друг Колидоров, что избранный тобой маршрут несколько, гм... громоздок?

— Ну, что ты, милый?—обиделся Колидоров,— я досконально все обдумал... Чепуха... Но зато сколько красот... Пейзажи... Быт...

— На какое же время ты получишь отпуск?

— На две недели. По кодексу законов о труде... Да недельку, хе-хе, замотаю. А что?

Я посмотрел на Колидорова с отвращением.

— Знаешь ли ты,— спросил я,— сколько времени потребуется на одну только дорогу?

— Да уж недельки полторы, меньше не уложусь,— озабоченно ответил Колидоров,— да дня два на всякий пожарный случай...

— Нет, Колидоров,— сказал я жестко,— если даже принять во внимание ту неделю, которую ты собираешься замотать у доверчивого правительства, а так же два дня, которыми ты собираешься воспользоваться на всякий пожарный случай, ты все-таки обчелся, приблизительно, месяцев на восемь!..

— Ты шутишь?!..— воскликнул Колидоров, багровея,—этого не может быть!.. Я досконально...

Колидоров осекся.

— Нет, ты это серьезно? — спросил он, с надеждой заглядывая мне в глаза,—может быть, ты пошутил?

— Увы, Колидоров, я нисколько не шучу. Я боюсь даже, что и в этот небольшой срок ты едва ли уложишься!..

Колидоров с'ежился. Его оживленное лицо померкло. Дрожащими руками он собрал со стола планы своего чудовищного путешествия, влез в шубу, нахлобучил шапку.

— Ну, я пошел...

— Иди, иди,— гостеприимно сказал я,— не забудь купить по дороге шляпу с дырочками...

▼

В конце марта, когда солнце делало очередную попытку пробраться сквозь противные табачные тучи и когда газетчики настойчиво пророчили наступление весны в первой декаде апреля, я встретил Колидорова. Он стоял посредине улицы и рассматривал какую-то книжку. Увидев меня, он обрадовался.

— Ну, как твое путешествие?— спросил я.

— Какое путешествие?

— Да это... во Владивосток и Каменец-Подольск?... Налаживается?

— Не шути... Такими вещами не шутят!.. Я, конечно, во Владивосток не поеду. Это все чепуха!.. А вот!..

Я оглядел нескладную фигуру своего спокойного друга. Он сильно похудел и, видимо, давно уже не брился.

— А вот путешествие по Волге... Это вещь вполне реальная... Сначала по Волге... От Нижнего до Астрахани... Потом в Баку... Через Каспийское море... Затем перемахну через Кавказский хребет... Катну по Черному морю и...

— До свиданья, Колидоров,— с грустью сказал я,— черкани пару строк любящему тебя другу, когда будешь перемахивать через Кавказский хребет...

▼

— Колидоров! — крикнул я, высовываясь из трамвая.

Колидоров оглянулся, поспешно спрятал какую-то книжечку в карман и, виновато улыбаясь, полез в мой трамвай.

Май был на исходе. Тяжелые грифельные тучи обложили небо. Дворники уныло поливали улицы.

— Сколько лет, сколько зим! — промолвил Колидоров,— как тебе нравится эта, с позволенья сказать, погода?

— Паршивая погода. Но что тебе, Колидоров, происки весны? Ведь через несколько дней ты будешь, развалясь в соломенном кресле и попивая коньячек, плыть на быстроходном почтовом теплоходе, рассекающем широкую грудь Волги-матушки реки...

— Брось глупости!—сухо сказал Колидоров,— какая может быть матушка-река, когда... Впрочем, я уже снял дачу... Вот...

Колидоров вынул из кармана книжечку.

— Вот расписание дачных поездов... Как видишь, полное удобство. В 5 выехал из дому, а в 7 ты уже у меня. Живу я...

Колидоров сообщил мне точный адрес своей дачи и просил непременно „примахнуть", когда он „обживется и уложится в новых условиях".

▼

3-го июня, ступая по лужам и проваливаясь в какие-то канавы, я шел под проливным дождем от станции „Целебные грязи" к даче, в которой обитал мой друг Колидоров.

С трудом отбиваясь от собак, я вступил на гнилые лесенки террасы. На террасе, обтянутой промокшей парусиной, сидел за столом, покрытым скатертью, посиневший Колидоров и, трясясь от холода, играл сам с собою в шахматы. Увидев меня, он болезненно улыбнулся и развел руками.

— Ты!! — сказал я грозно,— жалкий капустный червь, гордящийся оседлым образом жизни и украшающий обеденный стол скатертью, ты, живущий, подобно серенькому обывателю, на даче и сидящий на террасе!.. Ты, полагающий все свое благополучие в пошлой игре в шахматы с дураком партнером,—смотри. Вот...

Я устроил большой кукиш и, с наслаждением шевеля большим пальцем, поднес его к носу Колидорова.

— Вот тебе автомобильные очки, вот ковбойская шляпа. Вот тебе Владивосток! Вот тебе Мурманск! Вот тебе Волга и вот тебе хребет!.. Видишь?

— Вижу...— сказал Колидоров покорно.

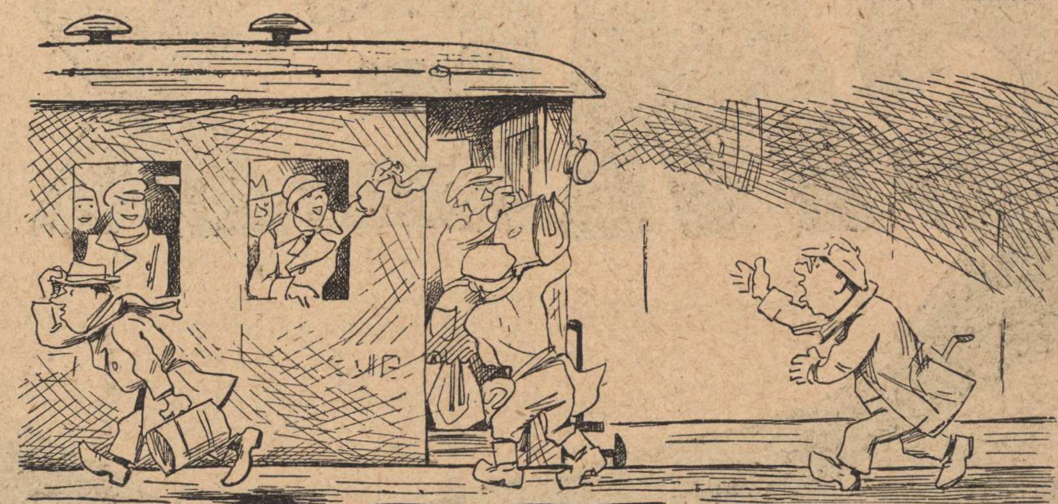
— То-то... Теперь давай выпьем по рюмочке водки, а то я окончательно промок.

Колидоров угодливо засуетился, и уже через минуту мы пили, закусывали и вели длинную приятную беседу о тарифной сетке, о погоде и о последней кино-фильме.

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

СОВРЕМЕННОЕ...

Рис. Н. Радлова

— До свидания, до свидания! Счастливого пути!.. Алло! Алло! Не забудьте заземлить вашу антенну!..

40 ЧЕЛОВЕК 8 ЛОШАДЕЙ

Дописались!

КОГДА перо бюрократа проделывает на бумаге акробатические кунштюки,—получается часто, действительно, неожиданный и забавный аттракцион...

Вопреки существующим проф-установлениям,—из Карасубазарской трудовой школы была уволена беременная учительница Абдулова.

Крымский работпрос потребовал об'яснений от своего карасубазарского райотделения.

В ответ на входящую за номером две тысячи двенадцать получается такой ответ за номером четыреста пять:

> **Правление союза впервые слышит о ее беременности, так как тов. Абдулова никакой связи с союзом не имела...**

Какая уж тут связь, если работники карасубазарского просвещения трех слов связать не могут?..

Однако... ведь, не алименты же от них требовала Абдулова? Чего, ребятки, от „связи-то" отмахиваетесь!..

Похищение сабинянок

СООБЩАЯ нижеизложенное, некрасовский райисполком Хабаровского округа просит прокурора принять соответствующие меры:

> **По сообщению гр-н села Переяславки Прядко и Яхно Петра, приезжавшие в Переяславку нарсудья и его секретарь вели себя непристойно, пьянствовали и увезли с собой чужих жен.**

А еще жалуются, что в нашем быту мало экзотики!

Чем не картина на выставку АХХР? На белом коне — лихой нарсудья крутит гусарский ус... И конь, как у пушкинского гусара,—„скребет копытом, весь огонь, дугою шея, хвост трубою"... А к седлу нарсудорожного коня подвязана чужая жена. Лыцарь!!

С хабаровским лыцарем повторится, вероятно, та же история, что приключилась с пушкинским гусаром...

> Гляжу: и подо мною...
> Не конь, а старая скамья...

Старая ваша знакомая, товарищ нарсудья, скамья подсудимых, которая обычно помещается справа от вашего судейского стола... Да чего вам рассказывать: сами дорогу знаете, товарищ нарсудья!..

Переписка с мертвецом

СУЩЕСТВУЕТ ли загробная жизнь? Рязанский Горко занялся этим вопросом и разрешил его утвердительно...

Жил в Рязани, на улице Вознесенской, гражданин Иванов, состоял абонентом электрической сети под № 3592 и тем не менее умер...

Не успел он освоиться со своим новым положением, как в могилу, вдогонку ему, полетела за № 324 бумажка:

> **П/о предприятий Горко сообщает, что за неспользованием вами электроэнергии с 15 янв. 1927 г. за смертью вы выключены из сети и в течение трехдневного срока предлагается погасить задолженность, после коего последует обратное включение. В противном случае задолженность будет взыскана судебным порядком.**

Противозаконно советуем покойному Иванову немедленно перевести гроб на чужое имя... А то Горко эту единственную недвижимость покойного должника,—как пить дать, опишет...

Впрочем, сотрудникам Горко не следует более давать пить... а то они еще и не такую бумажку смастерят!..

Товарищ Держиморда

УЖАСНАЯ черная крамола раскрыта председателем лакедемоновского сельсовета тов. Шименко.

> **В лакедемоновской школе (Таганрогский округ) учениками выпускалась стен-газета, под подозрительным названием:**
> **— „К новой жизни"...**
> **Шименко заскрежетал зубами...**
> **— К какой это новой, позвольте спросить? Чем вам не по нутру теперешняя?**

Заговор!!.. Шименко экстренно созывает сельсовет, вызывает учительницу и пред'являет ей „беспощадное обвинение"...

Теперь дети шушукаются:

— А можно ли петь Интернационал?

Услышит Шименко: „Добьемся мы освобожденья" и зарычит:

— Опять крамола!!.. Не иначе, как от председателя сельсовета хотите освободиться!.. За-пре-ща-ю!

Издатель — „ГУДОК". Отв. редактор — И. Н. Пирогов.

Главлит № 89.400. Типо-хромо-литография „Искра Революции" Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипповский пер., д. 11. Тираж 110.000 экз.

Рис. Б. Антоновского

К настоящему номеру „Смехача" всем подписчикам, а также розничным читателям, бесплатно прилагаются вышеозначенные трусики имени Евлампия Надькина—отпускная прозодежда.